

К 150-летию со дня рождения М. М. Пришвина

УДК 82.0

DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.2.10

Научная статья

Ян Бо¹, У Цзюнь¹ ✉

✉ dassw@mail.ru

¹Институт России, Восточной Европы и Центральной Азии,
Шанхайский университет иностранных языков, г. Шанхай, Китайская Народная Республика

Русский Север: мыслеобразы литературно-географического путешествия в раннем творчестве Михаила Пришвина

Аннотация: Предметом исследования статьи стало описание М. М. Пришвиным своих впечатлений от путешествия по Русскому Северу в его ранних произведениях – в книгах очерков «В краю непуганых птиц» и «За волшебным коlobком». Анализ литературно-географических аспектов творчества писателя позволил выявить особенности выстраивания географических образов в русском географическо-культурном пространстве и увидеть их отражение в характере и менталитете коренных народов. Такой анализ нацелен в первую очередь на переосмысление наследия писателя и влияния его мировоззренческих и творческих принципов на современную литературу, литературную географию, а также исследование географическо-культурного пространства сегодня. Исследовательский интерес писателя проявляется в искреннем и глубоком погружении в местную культуру – в образ жизни, мыслетворчество северных народов, фольклорную основу и бытовые подробности. Особое внимание в произведениях Пришвина уделяется взаимодействию пространств разного уровня и содержания – литературного и географического, внутреннего мира человека и окружающего его пространства, пространства автора и изображаемого им внешнего пространства. Полученные результаты помогают конструировать много-сложную картину культуры Русского Севера сквозь призму писательского таланта М. М. Пришвина.

Ключевые слова: Пришвин, литературная география, географическо-культурное пространство, Русский Север, культурная география, литературное место, географические образы.

Дата поступления статьи: 6 декабря 2022 г.

Для цитирования: Ян Бо, У Цзюнь (2023) Русский Север: мыслеобразы литературно-географического путешествия в раннем творчестве Михаила Пришвина. Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 17, № 2, с. 99–107. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.2.10.

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке проекта «Программа академического наставничества научного руководителя Шанхайского университета иностранных языков» (Проект № 2022113007) – 本文是“上海外国语大学导师学术引领计划项目”的阶段性成果(编号: 2022113007) и ключевого гранта Шанхайского университета иностранных языков « “一带一路” 视域下大国在中亚的软实力比较研究» (Сравнительное исследование мягкой силы ведущих стран в Центральной Азии в контексте инициативы «Пояс и Путь»).

Scientific article

Yang Bo¹, Wu Jun¹ ✉

✉ dassw@mail.ru

¹Shanghai International Studies University, Russia, Eastern Europe and Central Asia Institute, Shanghai, People's Republic of China

The Russian North: Mental images of Literary and Geographical Travel in the early works of Mikhail Prishvin

Abstract: The subject of the research for the author of the article was M. M. Prishvin's description of his impressions on traveling through the Russian North in his early works i.e. in the book of essays “In the Land of Fearless Birds” and “Following the Magic Bun”. The analysis of the literary and geographical aspects of the writer's work allowed us to identify the peculiarities of the formation of geographical images in the Russian geographical and cultural environment and their

© Ян Бо, У Цзюнь, 2023

reflection on the character and mentality of indigenous peoples. Such an analysis is aimed, first of all, at rethinking the writer's legacy and the influence of his ideological and creative principles on modern literature, literary geography, as well as the study of geographical and cultural space today. The writer's research interest is manifested in a sincere and deep immersion in the local culture – in the way of life, the ideation of the northern peoples, the folklore basis, and everyday details. In Prishvin's work special emphasis is given to the interaction of spaces of different levels and content – literary and geographical, the inner world of a person and the surrounding space, the space of the author, and the external space depicted by him. The results obtained help to construct a multi-complex picture of the culture of the Russian North through the prism of M.M. Prishvin's writing talent.

Keywords: Mikhail Mikhailovich Prishvin, literary geography, geographical and cultural environment, Russian North, cultural geography, literary place, geographical images.

Paper submitted: December 6, 2022.

For citation: Yang Bo, Wu Jun (2023) The Russian North: Mental images of Literary and Geographical Travel in the early works of Mikhail Prishvin. Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 17, no. 2, pp. 99–107. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.2.10.

Financing: The study was supported by the project “Academic Mentorship Program for the Supervisor of the Shanghai University of Foreign Languages” (Project No. 2022113007) – 本文是“上海外国语大学导师学术引领计划项目”的阶段性成果(编号: 2022113007) and key grant from Shanghai University of Foreign Studies “一带一路” 视域下大国在中亚的软实力比较研究” (Comparative study of the soft power of leading countries in Central Asia in the context of the Belt and Road Initiative).

Введение

Творчество Михаила Михайловича Пришвина раскрывает возможность уникального соединения мира культуры, воспроизведённого во внутреннем мире человека, и мира природного, существующего вне зависимости от человека. На примере народов, проживающих на территории Русского Севера, писатель показывает взаимодействие человека и окружающего его пространства, особенности бытования и мыслетворчества коренного населения. Уровень цивилизационного прогресса (материальной культуры) северных народов того времени не просто не противопоставлялся окружающему природному пространству и даже не мешал его существованию, а получал от последнего дополнительные возможности для развития творческих сил и способностей человека/людей. Благодаря искреннему проникновению в глубинное содержание окружающего мира и особенному художественному языку писателю удаётся уже в первых своих очерках создать миф о русской природе, о России и о душе русского народа. Однако миф этот имеет географические, этнографические и культурно-исторические корни, а также созвучность истинно русскому философскому восприятию природы и философии русского искусства, что подтверждает его правдивость и современность. Возможно, сегодня даже более, чем во время первого появления этих произведений, поскольку, по нашему мнению, мифичность (о которой говорил сам Пришвин), наполнявшая семантическое пространство произведений писателя, продолжает оставаться актуальной и помогать постижению тайн бытия.

В 1906 году Михаил Пришвин отправляется из Санкт-Петербурга в фольклорную экспедицию на север России. Результатом этого путешествия становится книга очерков «В краю непуганых птиц», открывшая литературный талант Пришвина. На второй год по поручению географического общества М. Пришвин, «все оставив позади себя, вновь отправился ... в край непуганых птиц записывать сказки» (Пришвин, 1956–1957, с. 787–788). Так рождается вторая книга очерков – «За волшебным колобком», которая также принесла автору признание читательской публики. И это объяснимо, потому что мир, познанный и описанный Пришвиным, как напишет восхищавшийся самобытностью таланта Пришвина Горький, был удивительно богат и широк (Горький, 1949, с. 266). Север помог Пришвину открыть в себе мудрого ученого, философа, прозаика-поэта, знатока природы, агронома, психолога, лингвиста. Как этнограф, он изучает все детали жизни и труда местного населения, делая при этом акцент на исконном родстве человека и природы, окружающей среды. По словам К. Паустовского, «если бы природа могла чувствовать благодарность к человеку за то, что он проник в ее тайную жизнь и воспел ее красоту, то, прежде всего, эта благодарность выпала бы на долю писателя Михаила Михайловича Пришвина» (Паустовский, 2018,

с. 279). А как уникальный и талантливый русский писатель Пришвин представляет читателям мир народной культуры, воссозданный с помощью чистейшего русского языка – простого и одновременно высокохудожественного. Недаром сам писатель назвал Север своей поэтической родиной.

В данной статье анализируются литературно-географические аспекты творчества Пришвина, исследуются уникальности выстраивания географических образов в пространстве Русского Севера и их отражение в культуре местных народов. Цель исследования – переосмыслить наследие писателя и его влияния на современную литературную географию, а также изучить нынешнее географическо-культурное пространство.

Методы

Очерки Михаила Пришвина рассматриваются в качестве одного из важнейших источников литературно-географического исследования Русского Севера того времени. Литературная география относится к культурной географии, главное внимание которой обращается на взаимодействие географического, культурного и литературного пространств. Комплексное рассмотрение аспектов предмета культурной географии, литературного места, остановки в литературном путешествии, способа передвижения, картины мира и т. д., и сравнительный анализ севера и юга раскрывают самобытность географическо-культурного пространства Русского Севера и его место в русской культуре.

Результаты

Литературное место как территориальный объект, природно-культурный комплекс является ключевым для литературно-географических исследований. Русский Север можно назвать, по определению В. Н. Калущкова, «полилитературным» местом (Калущков, 2015, с. 72), поскольку он удостоивается творческого внимания, любви, признания не только М. М. Пришвина, но и Е. И. Замятина, А. М. Ремизова, К. Ф. Жакова, а также исследователей русских былин и фольклора А. Ф. Гильфердинга и Н. Е. Ончукова. Нередко в русской литературе, как, впрочем, и в мировоззрении русских людей до сегодняшнего дня Север предстаёт в качестве прародины русской культуры. Это удивительное и во многом загадочное место продолжает притягивать исследователей, писателей, размышляющих на темы первоосновы жизни на Земле и прародины древних русичей. Пришвин же погружается в тайны природы не только национальной, но и общечеловеческой, мировой души. Для писателя Север – «прост» и вечен в своей правдивости, искренности и истинности.

Остановки в путешествии символизируют собой некие контрапункты – сочетание «мелодий» природного пространства и культурного мира. Герой книги «В краю непуганых птиц» останавливается в деревне Карельский остров, на берегу озера Выг: «Как раз посредине долины Выг-озера, на одном из его бесчисленных островов, есть деревенька Карельский остров. Вот её-то я и избрал своим пристанищем» (Пришвин, 1934, с. 24). Выбор локации был не случайным: во-первых, это литературное место было популярным среди писателей и исследователей; во-вторых, край показался писателю «своеобразным во всех отношениях», а не только по географическим условиям. Автор придумывает этой территории название «выговский край», но не только с географической позиции. Эта земля традиционно считается «северным источником» русской культуры, продолжателем древнего новгородского духа. Однако край этот со своими географическими и климатическими особенностями породил особый образ жизни, хозяйствования, мировосприятия и культуры, отличные от традиций русской культуры в общепринятом понимании.

Особой значимостью в повествовании Пришвина обладает даже вид транспорта, используемый в путешествии, поскольку он становится инструментом взаимодействия человека с пространством. В условиях местного ландшафта – наличие большого количества озёр, островов с водопадами и нисходящими бурными потоками – наиболее удобным и распространённым средством передвижения становится лодка. «На озере всюду разбросаны большие и маленькие острова. Большие не так интересны: их не охватываешь глазом, и они кажутся берегом. Но маленькие своеобразно красивы. Особенно хороши они в летнюю, совершенно тихую погоду. Из водной глади тогда всюду вырастают кучки угрюмых елей. Они тесно жмутся друг к другу и

будто что-то скрывают между собою» (Пришвин, 1934 с. 28). Писателю, как человеку, родившемуся в средней полосе России и привыкшему к обычным дорогам, очень понравился местный способ передвижения. Пришвин детально описывает технические характеристики, историю и сохранившиеся традиции в управлении северной лодкой, которая «без единого гвоздя сделана» и «сшита» вересковыми прутьями, как бы воплощая собой Ноев ковчег.

Для выстраивания и глубокого анализа системы географических образов, включённых в произведения М. Пришвина, целесообразно обратиться к некоторым теоретическим моментам культурной географии. Предметом культурной географии как научного направления, по словам В. Н. Калуцкова, является исследование тех или иных маркеров географического пространства, отражаемых в литературе, фольклоре и научных трудах (Калуцков, 2016, с. 119). Обратим внимание на выстраивание образов основных природных явлений в русском сознании и их связь с русской культурой, во многом следуя идеям феноменолого-культурологического подхода, описанного Д. Н. Замятиным (Замятин, 2006).

Лес традиционно представлялся русскому человеку убежищем, защитником, охраняющим от внешних врагов. Лес также включался в хозяйственную, социальную и духовную жизнь русской общины. Лес был источником необходимых материалов для строительства, отопления и освещения жилищ. Лес кормил, восстанавливал силы человека и был даже источником доходов для охотников. Подобное распространённое в русском народе восприятие леса как «существа живого, чрезвычайно благожелательного и деятельного на пользу нашего народа», «милого деда», можно найти у Л. Леонова: «Давно пора бы воздать ему хвалу, какой заслуживает этот милый дед, старинный приятель нашего детства, насмерть стоящий воин и безотказный поставщик сырья, кормилец рек и хранитель урожая» (Леонов, 1974, с. 268). Однако несмотря на такое, казалось бы, безоглядное пользование лесом, русские люди всегда уважали и боялись леса, описывая его такими словами, как «тёмный», «дремучий», «непроходимый» и наделяя его порой тяжёлым и суровым характером. В прежние времена непроходимый лес скрывал дороги и мстил беспечным людям, живущие в лесу хищники покушались на домашний скот и даже на жизнь человека. Получение от леса его даров всегда сопровождалось для русского человека тяжёлым, утомительным трудом. С древних времён в славянских сказках лес описывается как тёмное царство, в котором живут мифологические образы: баба-яга, старичок-моховичок, леший, медведь-шатун и др. Всё это подтверждает выводы о том, что лес в русской культуре, с одной стороны, является надёжным укрытием, благодаря своей загадочности, а с другой, лес настораживает русского человека своей потенциальной опасностью (Ключевский, 1956, с. 66–69).

Степь в русском сознании является символом кочевой, свободной жизни, обеспечиваемой результатами скотоводческой деятельности. Степи на границах Русской равнины представляли собой источник опасности, поскольку именно оттуда на территории русичей нападали варвары. Южнорусская степь породила специфическую общность – казаков, в которую влились племена русского и других восточнославянских народов. Культурная наполняемость слова «казак» – это вольный, независимый по нраву и поведению, гулящий человек. Оседлый образ жизни русских людей, занятия земледелием сформировали особое культурное пространство – с четко обозначенными ориентирами, отличающееся от жизненного пространства степных людей. В первом случае характеристиками жизненного поведения человека становятся неторопливость, откровенность, искренность, спокойствие и др. Во втором случае – открытость пространства, его бесконечность и отсутствие каких-либо границ порождает в человеке независимость, свободолюбие, нежелание подчиняться (Гаврилов, 2010, с. 5–11). Точнее, наверное, эти качества вырабатываются и закрепляются в национальном характере постепенно – в процессе завоевания и освоения огромной территории, преодоления больших расстояний внутри страны.

Река в русском сознании и культуре в большей степени ассоциируется с плодородием, с движением, с разнообразными изменениями, развитием – в большей степени, в положительном смысле. В представлении русского человека река – это кормилица, первые поселения были вдоль рек, с рекой русский человек всегда старался жить душа в душу. В православной традиции река олицетворяет собой стихию, которая может как поощрять и поддерживать людей, так и наказывать их. Река – это связь с внешним миром, это путь, но в отличие от морского, не такой грозный и непред-

сказуемый. Река – это символ упорядоченности жизни, взаимодействия и очищения от всего отжившего, нездорового. В русских сказках все эти функции и характеристики реки также описываются и истолковываются. Уважительное отношение можно наблюдать и в языковых формулах, связанных с рекой: к реке обращаются, как к родителям, например: Волга-матушка, Дон-батюшка.

В книгах «В крае непуганых птиц» и «За волшебным колобком» художественный язык автора передает трогательное, «родственное» отношение и внимание к природе – лесу, озерам, к народу – странникам, «клюквенным бабам», колдунам и поморам.

Пришвин отмечает, что большинство людей при первом знакомстве с Севером России ориентируется на стереотипное представление: «дебри, где люди занимаются охотой, рыбной ловлей, верят в колдунов, в лесную и водяную нечистую силу, сообщаются пешком по едва заметным тропинкам, освещаются лучиной, словом, живут почти что первобытной жизнью» (Пришвин, 1934, с. 1). Однако для писателя, искренне любившего русский Север, этот край выглядит иным – живым, богатым, неповторимым и привлекательным. Пришвина называют «певцом русской природы» – он не только воспеваеет непорочность и величие Севера, он активно возмущается безответственной со стороны людей хозяйственной деятельностью, разрушающей спокойную деревенскую жизнь и наносящей огромный вред природе. На контрасте с этим неуважением к природе Пришвин описывает картину заката над озером после ухода барж, когда все затихает и природа получает возможность вернуться к своей первозданности.

Пришвину как будто неведомы никакие отрицательные подтексты в описании явлений природы – ни леса с его обитателями, ни водной стихии рек и озер. Очень мало в его произведениях можно встретить негативных посылов по этому поводу. Более того, мы постоянно сталкиваемся с тем, что природа у Пришвина никогда не существует вне человека. Они даже не просто соединены неразрывной связью, природа в этом тандеме выполняет для человека очистительную и спасательную функции. С этих позиций и название книги – «В краю непуганых птиц» – может трактоваться как аллюзия, отсылающая читателя к мысли: лес – это чистый и прозрачный мир, это укрытие для невинно гонимых.

Создание Пришвиным образа леса, который, встретившись с «полуночным солнцем», превращается в хрустальное море, не вызывает у читателя мысли о праздности странствий и «пустой» отвлеченности размышлений писателя. Этот художественный прием позволяет автору превратить место, обозначаемое в начале книги как «дебри», в «страну волшебников и чародеев». Пришвину удается особым образом подчеркнуть важные характеристики Русского Севера – «примитивность» в смысле «первозданность» природы, продлившаяся в «скромности» характера северных народов и «простоте» жизненного уклада (Поспелова, 2017, с. 134).

Встречи с «полуночным солнцем» – «белыми ночами», описанные в книгах о путешествии по Русскому Северу, превращаются в главный стимул поездки. Географически Русский Север расположен близко или внутри полярного круга, огромные пространства значительную часть времени находятся под снежным покровом или окутаны «усталыми» лучами «полуночного солнца»: «Полуночное солнце – красное, устало, не блестит, но светит, белые птицы рядами уселись на черных скалах и смотрят в воду» (Пришвин, 1934, с. 6).

В книге очерков «За волшебным колобком» Пришвин удивляется: «Это грёзы... Светлая северная ночь. Всё тихо. Спят. Как они могут спать такой светлой, безгрешной ночью?» (Пришвин, 1908, с. 26). Человек, приехавший с юга России и очарованный таинственностью «белых ночей», невольно оказавшись наедине с такой первозданной красотой и с самим собой, начнет рефлексировать. Для человека Севера такие условия естественны, он «пропитан» этой возможностью мыслить себя думающей частью природы и не отрываться от нее ни на шаг и ни на миг. Эта чистота и освобожденность от мирского, порождаемые «такой безгрешной ночью», по словам автора, позволяют человеку Севера не только спокойно спать, но и существовать по-настоящему, потому что на Севере «у растения такой напряженный зелёный свет: ведь, они совсем не отдыхают, молоточки света стучат в зелёные листья и день и ночь. Вероятно, тоже у животных, и у людей» (Пришвин, 1908, с. 104). Так, полуночное солнце идеально вписывается в природное и человеческое пространство Русского Севера, подчёркивая его таинственность, чистоту, безгреш-

ность. Как пишет Е. Созина, «вокруг солнца вращаются, от него зависят не только цивилизации юга, но и культуры северных народов, а в ещё большей степени сама их жизнь, историческая и природная судьба, этно-антропологическая характеристика» (Созина, 2016, с. 172).

В литературно-географическом пространстве Русского Севера Пришвиным также придается важное значение воде. В литературном пространстве писателя много воды – это и огромное водохранилище в Сегежском районе – Выг-озеро, и многочисленные малые озера, и бурные реки, и водопады. Особое место отводится и образу моря, который аккумулирует в себе мысли автора о мироздании. Для Пришвина море – это пространство, в котором люди, звери, сказочные герои и мифологические божества тождественны (Дехтяренко, 2022, с. 368). Море неотделимо от жизни северных народов – «разудалая, свободная и веселая» жизнь людей Севера напоминает вольнолюбивый и неуправляемый характер моря. Но не только... Море подталкивает человека к размышлениям о смысле жизни, о смерти: «конца природы и жизни человека нет, что все оканчивается не смертью, а спокойной мудростью» (Пришвин, 1908, с. 221).

В творчестве М. Пришвина мы находим отражение национальных и региональных особенностей выстраивания картины мира. Народы других регионов России считают Север «концом мира», для самих северян – это родина, а для писателя Пришвина – «начало любопытного мира». В русской картине мира Север – это «прародитель» русской культуры, а поморы, оказывается, «не от России дышат» и стремятся оказаться в Норвегии. Она им ближе своей почти не достигаемой в условиях Крайнего Севера «окультуренностью», атрибутами мещанского существования (Трубицина, 2013, с. 182). В книге «За волшебным колобком» герой произведения отправляется в поисках страны «без имени, без территории», а попадает в деревню Дураково – «самое глухое и самое глупое место». Такой нарратив предоставляет собой более сильный контраст по сравнению со словами о Повенце в книге «В краю непуганых птиц»: «про Повенец говорят обыкновенно: он всему миру конец. Но, как я уже говорил, для меня с Повенца только и начинался самый любопытный мир» (Пришвин, 1934, с. 11). После описания глухомани писатель как будто вызывает симпатии у читателя к «культурному прогрессивному миру», в частности к Норвегии. Множественные сравнения России и Норвегии выглядят порой как противопоставление – «там стихия, здесь история».

Каждое культурное пространство выступает и как источник, и как хранилище культуры, безусловно, отличаясь от других культурных пространств. Любого путешественника и исследователя привлекает в этом пространстве нечто свое, что он подмечает, выделяет и исследует. Для Пришвина одинаково привлекательными были все, с кем он встречался в своих странствиях. Причем наблюдал и изучал писатель всё в комплексе – людей, их быт, нравы, поведение с погружением в культуру, с учётом влияния характерных особенностей окружающего ландшафта. Таким образом, М. Пришвин создает свой образ Русского Севера – не только в географическом смысле, но и в культурном. Читатель убеждается через произведения Пришвина, что культура Севера имеет множество отличий от русской культуры южных территорий.

Для южнорусской культуры северорусская культура видится архаичной, уходящей корнями в историю и сохраняющей традиционность. Русский Север и сегодня продолжает сохранять и охранять свою неповторимость, самобытность, присутствие элементов славянской (и не только) древности. Вследствие исторических событий и колонизации края в состав населения Севера входят финно-угры (лопары), которые в своё время оказали сильное влияние на процесс формирования определённых характеристик этой общности, её образа жизни и культуры. Русское население было представлено новгородцами, культура которых также обогатила культуру русского Севера. Для Севера новгородские «следы» – символ присутствия там Руси. «Край непуганых птиц» – это край сохранившейся, «непуганой» русской истории – не омрачённой ни татарским игмом, ни крепостным правом, ни произволом чиновников, зато освящённой древней русской традицией, восходящей к Новгороду, Киеву, к былинным временам (Пискулин, 2010, с. 230).

Церковный раскол не миновал и Русский Север – для Пришвина это, безусловно, «трагедия духа русского народа». Однако при этом писатель никого не осуждает, никого не критикует и ничего не навязывает, а подводит читателя к более важному выводу: народы Севера сохраняют

глубокую веру в промысел Божий, остальное – не столь значимо. Юровщик Михайло из книги «В краю непуганых птиц» является ярким примером воплощения мировоззрения северорусского человека. Он доверяет знакам трансцендентного мира и таинственным силам, главная задача в его жизни – исполнение Божьей воли. Все неудачи и несчастья связаны для Михайло с грехом: «Вечером съехались на льдину, я товарищам: “Ребята, у нас в ромше не ладно: зверь зашевелился. Есть грех”» (Пришвин, 1908, с. 66). Михайло в критической ситуации, в момент опасности может с завидным спокойствием и рассудительностью идти навстречу смерти: «Смотрю на ребят, говорю строго: “Нехорошо, братья, так помирать. Бога обижаете. Наденьте чистые рубашки, помолитесь, проститесь. Так нельзя, братья”» (Пришвин, 1908, с. 71).

Ярким последователем веры в Божий промысел можно назвать и охотника Василия из книги «За волшебным колобком». Поведение Василия во время охоты противоречит самой охотничьей практике – жалость и чувство сострадания выходят на первый план. «Василий останавливает меня. – У неё детки, нельзя стрелять, надо пожалеть. ... Назад бежит, к деткам. Нельзя стрелять. Грех!» (Пришвин, 1908, с. 143). Коренной житель Севера, Василий в чем-то уступает образованному горожанину – писателю и исследователю, но при этом он обладает естественным умом, добротой на уровне подсознания, которые в какой-то момент возвышают лопаря над умным горожанином, делая его более мудрым, чистым и искренним в своих чувствах и переживаниях.

В книге «За волшебным колобком» Пришвин часто обращает внимание читателя на культурно-географическую разницу между Россией и Норвегией, между Русским Севером и Петербургом, но, когда мысль доходит до разделения народов и народа (толпы), перед читателем раскрывается глубинная суть философа-Пришвина, приоткрывшего тайны общечеловеческой души: «вдруг становится легко, разделяющая линия больше не нужна, все понятно. Это не толпа, это не отдельные люди. Это глубина души одного гигантского существа, похожего на человека. Мелькают, сменяются его желания, стремления, ощущения. Но само неведомое существо спокойно шагает вперед и вперед» (Пришвин, 1934, с. 193). И далее, с одной стороны, неожиданный, а с другой – закономерный вывод героя книги – писателя Пришвина: «никакая самостоятельная культура на Крайнем севере невозможна», «знаменитые писатели воспитались в южных благодатных фордах. Здесь они бывают только проездом» (Пришвин, 1908, с. 282).

Выводы

Несмотря на немалое количество сказочных и мифологических элементов в ранних произведениях М. М. Пришвина, литературное путешествие всё же представляет собой реальность, пережитую и осмысленную писателем. Пришвин открывает для себя и читателей географию и культуру Русского Севера, обнаруживая порой несовпадение литературного опыта с реальностью. В двух поездках по Русскому Северу Пришвин совершает географическо-литературные открытия, каждый раз выявляя новые образы, рассказывая о вновь увиденном.

Важным атрибутом путешествия Пришвина по Русскому Северу стало глубокое и искреннее погружение в местную культуру, что позволяет познать образ жизни, мировосприятие, мыслительность народов Севера – получить комплексное представление об уникальной культуре этого региона. Центральное место в размышлениях писателя занимает идея, сохраняющая актуальность и для современной литературной географии – идея всеединства природы и человека, их взаимопроникновения и взаимовлияния, не допускающая безответственного подхода к неисчерпаемому богатству двух этих составляющих единого жизненного пространства.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Источники

Апанович Ф. (2002) Между Европой и «страной непуганых птиц» (Образы России и Европы в раннем творчестве М. Пришвина). Михаил Пришвин: Актуальные вопросы изучения творческого наследия: Материал научной конференции Выпуск 1. Елец, Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, с. 3–22.

- Гаврилов В. В. (2010) К вопросу о роли географических факторов в формировании русской культуры (лингвокультурологический аспект). Вестник Сургутского государственного педагогического университета, № 4, с. 5–11.
- Горький М. (1949) О М. М. Пришвине. В кн: Собр. соч. в 30 тт. М., с. 265–266.
- Дехтяренко А. В. (2022) Мифологема моря в творчестве М. М. Пришвина. В кн: Язык истории и языки литературы. Нижний Новгород, с. 366–375.
- Дьячкова Е. В. (2015) Русский Север и Данте: об одном эпизоде путевых очерков М. М. Пришвина. Вестник Литературного Института имени А. М. Горького, № 4, с. 36–45.
- Замятин Д. Н. (2004) Метагеография: Пространство образов и образы пространства. М., Аграф, 506 с.
- Замятин Д. Н. (2006) Культура и пространство: Моделирование географических образов. М., Знак, 487 с.
- Калуцков В. Н. (2015) Литературная география как научный предмет и как учебная дисциплина. Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация, № 4, с. 67–79.
- Калуцков В. Н. (2016) Концептуальные основы литературной географии. Уральский исторический вестник, № 2 (51), с. 118–125.
- Калуцков В. Н. (2016) Культурная география России. Часть 1. Теоретический и специальный разделы. М., факультет иностранных языков и регионоведения МГУ, 140 с.
- Ключевский В. О. (1956) Курс русской истории. Соч.: В 8 т. М., Госполитиздат, 427 с.
- Леонов Л. (1974) Русский лес. М., Художественная литература, 678 с.
- Паустовский К. Г. (2018) Золотая роза. М., Время, 352 с.
- Пискулин А. А. (2010) Выговский край Олонецкой губернии в творчестве М. М. Пришвина. Вестник Томского Государственного Университета, № 10, с. 228–232.
- Пискулин А. А. (2012) От Подстепья до Поморья. В кн.: Елецкий край и Выговский край – исторические регионы России в творчестве И. А. Бунина и М. М. Пришвина. Елец, 238 с.
- Поспелова О. В. (2016) «Переселение вглубь природы»: мифопоэтический топос леса в первых северных очерках М. М. Пришвина. Вестник Томского Государственного Педагогического Университета, № 7 (172), с. 168–171.
- Поспелова О. В. (2017) Образ «полуночного солнца» в произведениях о Русском Севере А. Ремизова, М. Пришвина, Е. Замятина. Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки, № 2, с. 131–136. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2017.2.131.
- Пришвин М. М. (1956) Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2. М., Гослитиздат, 806 с.
- Пришвин М. М. В краю непуганых птиц: Онега-Беломорский край: Очерки. СПб., Издатель А. Ф. Девриен, 1934, 190 с.
- Пришвин М. М. За волшебным коlobком: из записок на крайнем севере России и Норвегии. СПб., Издатель А. Ф. Девриен, 1908, 291 с.
- Созина Е. К. (2016) Север в литературе путешествий начала XX века. В кн.: Русский травелог XVIII–XX веков: маршруты, топосы, жанры и нарративы. Новосибирск, с. 151–182.
- Трубицина Н. А. (2013) Геокультурный образ Норвегии в книге М. Пришвина «За волшебным коlobком». Михаил Пришвин и XX век: всероссийская научная конференция, посвящённая 140-летию со дня рождения Михаила Пришвина. Елец, Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, с. 178–185.
- 刘文飞 [Лю Вэньфэй] (2012) 普里什文的思想史意义 [Значение Пришвина в истории мысли]. 外国文学评论 [Обзор иностранной литературы], № 1, с. 162–174.
- 彭贤则 [Пэн Сяньцзэ], 夏懿 [Ся И] (2020) 心灵与自然の共情——评米哈伊尔·米哈伊洛维奇·普里什文《大自然的日历》 [Сопереживание между душой и природой – Комментарий к «Календарю природы» Михаила Михайловича Пришвина]. 学术交流 [Академические обмены], № 2, с. 190.

References

- Apanovich F. (2002) Mezhdru Yevropy i «stranoy nepuganykh ptits» (Obrazy Rossii i Yevropy v rannem tvorchestve M. Prishvina) [Between Europe and “The Land of Fearless Birds” (Images of Russia and Europe in the early works of M. Prishvin)]. Mikhail Prishvin: Aktual’nyye voprosy izucheniya tvorcheskogo naslediya: Mat. nauch. konf. Vyp. 1 [Mikhail Prishvin: Topical issues of the study of creative heritage: Mat. scientific. conf. Issue 1]. Yelets, Bunin Yelets State University, pp. 3–22 (In Russian).
- Gavrilov V. V. (2010) K voprosu o roli geograficheskikh faktorov v formirovani russkoy kul’tury (lingvokul’turologicheskii aspekt) [On the issue of the role of geographical factors in the formation of Russian culture (linguoculturological aspect)]. The Surgut State Pedagogical University Bulletin, no. 4. pp. 5–11 (In Russian).
- Gorky M. (1949) O M. M. Prishvine [About M. M. Prishvin]. In the book: Sobr. soch. v 30 tt. [Collected works in 30 vols.]. Moscow, pp. 265–266 (In Russian).
- Dekhtyarenok A. V. (2022) Mifologema morya v tvorchestve M. M. Prishvina [The mythology of the sea in the work of M.M. Prishvin]. In the book: Yazyk istorii i yazyki literatury [Language of History and Languages of Literature]. Nizhny Novgorod, pp. 366–375 (In Russian).
- Dyachkova E. V. (2015) Russkiy Sever i Dante: ob odnom epizode putevykh ocherkov M. M. Prishvina [Russian North and Dante: about one episode of travel essays by M. M. Prishvin]. Vestnik of Gorky Literary Institute, no. 4, pp. 36–45 (In Russian).
- Zamyatin D. N. (2006) Kul’tura i prostranstvo: Modelirovaniye geograficheskikh obrazov [Culture and space: Modeling geographic images]. Moscow, Znak Publ., 488 p. (In Russian).
- Zamyatin D. N. (2004) Metageografiya: Prostranstvo obrazov i obrazy prostranstva [Metageography: The space of images and images of space]. Moscow, Agraf Publ., 506 p. (In Russian).

- Kalutskov V. N. (2015) Literaturnaya geografiya kak nauchnyy predmet i kak uchebnaya distsiplina [Literary geography as a scientific subject and as an academic discipline]. The Bulletin of Moscow University. Series 19. Linguistics and Cross-cultural communication, no. 4. pp. 67–79 (In Russian).
- Kalutskov V. N. (2016) Kontseptual'nyye osnovy literaturnoy geografiy [Conceptual Foundations of Literary Geography]. Ural historical Journal, no. 2(51). pp. 118–125 (In Russian).
- Kalutskov V. N. (2016) Kul'turnaya geografiya Rossii. Chast' 1. Teoreticheskiy i spetsial'nyy razdel: uchebnoye posobiye [Cultural Geography of Russia. Part 1. Theoretical and special sections: study guide]. Moscow, Faculty of Foreign Languages and Regional Studies, Moscow State University, 140 p. (In Russian).
- Klyuchevskiy V. (1956) Kurs russkoy istorii. Soch.: V 8 t. [The course of Russian history]. Works: In 8 vols. Moscow: Gospolitizdat, 427 p. (In Russian).
- Leonov L. (1974) Russkiy les [Russian forest]. Khudozhestvennaya literatura Publ., 678 p. (In Russian).
- Paustovsky K. G. (2019) Zolotaya roza [Golden Rose]. Moscow, Vremya Publ., 352 p. (In Russian).
- Piskulin A. A. (2010) Vygovskiy kray Olonetskoj gubernii v tvorchestve M. M. Prishvina [Vygovsky region of the Olonets province in the work of M. M. Prishvin]. Tomsk State University Journal, no. 10, pp. 228–232 (In Russian).
- Piskulin A. A. (2012) Ot Podstep'ya do Pomor'ya [From the Podstepye to Pomorye]. In the book: Yeletskiy kray i Vygovskiy kray – istoricheskiye regiony Rossii v tvorchestve I. A. Bunina i M. M. Prishvina [Yelets Territory and Vygovsky Territory – Historical Regions of Russia in the Works of I. A. Bunin and M. M. Prishvin]. Yelets, 238 p. (In Russian).
- Pospelova O. V. (2017) Obraz «polunoshchnogo solntsa» v proizvedeniyakh o Russkom Severe A. Remizova, M. Prishvina, Ye. Zamyatina [The image of the “midnight sun” in works about the Russian North by A. Remizov, M. Prishvin, E. Zamyatin]. Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series “Humanitarian and Social Sciences”, no. 2, pp. 131–136. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2017.2.131 (In Russian).
- Pospelova O. V. (2016) «Pereseleniye vglub' prirody»: mifopoeticheskiy topos lesa v pervykh severnykh ocherkakh M. M. Prishvina [“Resettlement deep into nature”: the mythopoetic topos of the forest in the first northern essays by M. M. Prishvin]. Tomsk State Pedagogical University Bulletin, no. 7(172). pp. 168–171 (In Russian).
- Prishvin M. M. V krayu nepuganykh ptits: Onego-Belomorskiy kray: Oчерki [In the Land of Fearless Birds: Onego-Belomorsky Territory: Essays]. St. Petersburg, Izdatel' A.F. Devriyen Publ., 1934, p. 190. (In Russian).
- Prishvin M. M. Za volshebnyim kolobkom: iz zapisok na kraynem severe Rossii i Norvegii [Behind the Magic Bun: From Notes in the Far North of Russia and Norway]. St. Petersburg, Izdatel' A. F. Devriyen Publ., 1908, 291 p. (In Russian).
- Prishvin M. M. (1956) Sobraniye sochineniy: v 6 t. T. 6 [Collected works: in 6 volumes. Vol. 2]. Moscow, Goslitizdat Publ., 806 p. (In Russian).
- Sozina E. K. (2016) Sever v literature puteshestviy nachala XX veka [The North in the Travel Literature of the Early Twentieth Century.] In the book: Russkiy travelog XVIII–XX vekov: marshruty, toposy, zhanry i narrativy [Russian travelogue of the 18th–20th centuries: routes, topoi, genres and narratives]. Novosibirsk, pp. 151–182 (In Russian).
- Trubitsina N. A. (2013) Geokul'turnyy obraz Norvegii v knige M. Prishvina «Za volshebnyim kolobkom» [Geocultural image of Norway in M. Prishvin's book “Behind the magic bun”]. Mikhail Prishvin i XX vek: vserossiyskaya nauchnaya konferentsiya, posvyashchonnaya 140-letiyu so dnya rozhdeniya Mikhaila Prishvina [Mikhail Prishvin and the 20th century: All-Russian scientific conference dedicated to the 140th anniversary of the birth of Mikhail Prishvin]. Yelets, Bunin Yelets State University, pp. 178–185 (In Russian).
- Liú Wénfēi (2012) Pǔ lǐ shén wén de sixiǎng shǐ yì. Wàiguó wénxué pínglùn [The Significance of Prishvin in the History of Thought. Foreign Literature Review], no. 1, pp. 162–174. (In Chinese).
- Péng Xiánzé, Xià Yì (2020) Xīnlíng yǔ zìrán de gòng qíng—píng mǐ hā yī ěr·mǐ hā yī luò wéi qí·pǔ lǐ shén wén “dà zìrán de rìlǐ”. Xuéshù jiāoliú [Empathy between soul and nature – Comment on Mikhail Mikhailovich Prishvin's “Nature's Calendar”. Academic Exchanges], no. 2, p. 190 (In Chinese).

Информация об авторах

Ян Бо

Кандидат филологических наук, профессор Института России, Восточной Европы и Центральной Азии, заместитель директора Центра изучения России, Шанхайский университет иностранных языков, г. Шанхай, Китайская Народная Республика. ORCID ID: 0000-0003-4472-4740. E-mail: 2043@shisu.edu.cn

У Цзюнь

Аспирант Института России, Восточной Европы и Центральной Азии. Шанхайский университет иностранных языков, г. Шанхай, Китайская Народная Республика. ORCID ID: 0000-0001-7237-6515. E-mail: dassw@mail.ru

Autor's information

Yang Bo

Ph. D., Professor of Russia, Eastern Europe and Central Asia Institute, Deputy Director of Center for Russian Studies, Shanghai International Studies University, Shanghai, People's Republic of China. ORCID ID: 0000-0002-4739-8007. E-mail: 2043@shisu.edu.cn

Wu Jun

Ph.D student of Russia, Eastern Europe and Central Asia Institute. Shanghai International Studies University, Shanghai, People's Republic of China. ORCID ID: 0000-0001-7237-6515. E-mail: dassw@mail.ru